Ален де Бенуа

Франция в разгар беспорядков

Оригинал: Alain de Benoist. France in the Midst of Riots

Источник: https://counter-currents.com/2023/07/france-in-the-midst-of-riots/

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Первоначально это интервью было опубликовано в итальянском журнале Il Giornale 7 июля 2023 года.

Спустя чуть более недели после начала беспорядков Ален де Бенуа составляет их генеалогию: французская специфика, предшествующее положение массовой иммиграции, культура отрицания, сокрытие этнических реалий, индивидуализм… все это способствовало, больше, чем где бы то ни было, раздуванию пламени.

IL GIORNALE: Демонстрации в эти дни свидетельствуют о провале мультикультурализма. Как мы оказались в такой ситуации?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Они, конечно, показывают несостоятельность мультикультурализма, но останавливаться на этом было бы упрощением. Жестокие городские бунты, которые мы наблюдаем в настоящее время, также свидетельствуют о том, что страна разделена и раздроблена не из-за иммигрантов, а из-за господствующей идеологии, которая для населения в целом заменила моральные правила законом прибыли. В обществе, где доминируют рыночные ценности, структурно создающие условия для социальной раздробленности, неудивительно, что никому нет дела до общего блага.

Левые видели в этих беспорядках главным образом социальный бунт (против дискриминации, изоляции, безработицы и т. д.), тогда как правые говорили об этническом бунте, предвещающем гражданскую войну. В обеих интерпретациях есть доля правды, но обе они недальновидны. За сорок лет в «градостроительную политику» и реабилитацию «трудных кварталов» были вложены десятки миллиардов евро, но безрезультатно. С другой стороны, городской бунт – это не гражданская война. В гражданской войне сталкиваются две вооруженные группировки населения, причем полиция и армия делятся поровну, чего здесь нет.

Вообще говоря, именно чисто политические интерпретации оказываются неспособными в полной мере охватить эту проблему. Нынешние городские беспорядки не носят политического характера. Бунтовщики ведь не выдвигают никаких требований. Они хотят только разрушать и грабить. Когда представители левых или крайне левых едут в пригороды, чтобы дать понять, что они, мол, «понимают гнев» бунтовщиков, те их выгоняют или плюют им в лицо!

IL GIORNALE: В какой степени кризис французской и европейской идентичности влияет на эти демонстрации?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Сегодня французское население утратило всякое чувство принадлежности к сообществу. У бунтовщиков есть такое чувство – или, по крайней мере, они думают, что оно у них есть. Кризис французской идентичности имеет древние корни. Это результат влияния идеологии одновременно индивидуалистической и универсалистской, считающей, что люди «везде одинаковы» и что этнокультурные факторы не имеют значения. Ни одно общество не может решить свои проблемы с помощью юридических контрактов и фондовой биржи.

IL GIORNALE: Французскому государству бросают вызов, потому что многие иммигранты не признают авторитет французских институтов?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Бунтовщикам нет дела до французского государства, которое к ним равнодушно. Когда они нападают на полицию с файерами, когда они поджигают ратуши или пожарные депо, это происходит даже не потому, что они видят в них представителей власти, а потому, что воспринимают их как непрошенных гостей, вторгнувшихся на «их» территорию. Они рассуждают в терминах территории («невидимая граница») чисто племенным способом. Они также нападают на школы, книжные лавки, продуктовые и прочие магазины и автомобили. Они смотрят друг на друга как на банду, на которую напала конкурирующая банда.

Было бы еще одной ошибкой полагать, что участники беспорядков не хотят следовать каким-либо правилам. Наоборот, есть правила, которые они очень уважают: свои собственные правила! Большинство из них происходят из клановых семейных культур и обществ, и они продолжают вести себя так, как ведут себя члены клана. Если один из них является жертвой «полицейского насилия», то все они также считают себя жертвами. Вот чего не понимают власти, находящиеся в плену своей идеологии: мать ребенка, убитого после совершения вооруженного ограбления, никогда не скажет, что ее сын вел себя плохо. Она скажет, что через него напали на весь клан. Это и есть принцип кланового трайбализма: мои люди всегда правы, потому что они мои.

IL GIORNALE: Почему второе и третье поколения более радикальны, чем предыдущие?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Они более радикальны, потому что страдают от гораздо более значительной утраты идентичности. Такие беспорядки никогда не являются делом рук иммигрантов в первом поколении, которые поселились во Франции добровольно, сохраняя при этом четкое понимание своего происхождения и, следовательно, своей идентичности. Второе, третье или четвертое поколение иммигрантов считают себя алжирцами, малийцами, марокканцами, сенегальцами и т. д., даже если они имеют французское гражданство, но практически ничего не знают о странах, откуда прибыли их родители или дедушки и бабушки. Они не чувствуют себя французами, а имеют лишь искусственную или фантазийную альтернативную идентичность. Их разочарование тотально. Они больше не могут выражать то, чем они являются, кроме как через насилие и разрушение.

IL GIORNALE: По вашему мнению, сыграла ли в этом контексте роль французская судебная система, которую часто обвиняют в слишком мягком отношении к иммигрантам, совершающим преступления?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Слабость судебной системы вполне реальна. Бунтовщики прекрасно понимают, что они в принципе не сильно рискуют, потому что закон не применяется. За наезд машиной на человека и бегство с места происшествия теоретически можно получить до десяти лет лишения свободы, но такие приговоры никогда не выносились. Более того, в тюрьмах больше нет места! Это способствует деморализации полиции.

IL GIORNALE: Уже в 2005 году во Франции прошли серьезные демонстрации. Что изменилось по сравнению с той ситуацией почти двадцатилетней давности? Ситуация ухудшилась?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Между 2005 и 2023 годами есть различия. Больший масштаб беспорядков, которые за пять дней уже нанесли больший ущерб, чем беспорядки 2005 года, длившиеся три недели, объясняется в первую очередь тем простым фактом, что иммигрантское население, из которых сегодня выходят участники беспорядков, стало гораздо многочисленнее. Следует также учитывать нынешнюю преобладающую роль социальных сетей. Если в 2005 году беспорядки были сосредоточены в крупных городах, то сегодня они охватывают малые города. Участники беспорядков также намного моложе (треть арестованных в возрасте от 13 до 15 лет и не были прежде известны полиции) и гораздо более жестоки. В пригородах сложилась культура беспричинного насилия: к насилию прибегают уже не для того, чтобы что-то украсть, а просто из-за того, что кто-то на кого-то «плохо посмотрел» – кто-то отказывается предложить сигарету или вообще просто так – если не просто для удовольствия. И мы быстро впадаем в крайности: продолжаем бить того, кто уже лежит на земле, и не задумываясь убиваем. Во Франции, согласно опросу Национального института статистической и экономической информации (INSEE), каждые 44 секунды происходит необоснованное нападение…

IL GIORNALE: Проблема иммиграции касается не только Франции, но и других крупных европейских стран, таких как Германия, где, однако, явления такого масштаба никогда не происходили. Что пошло не так с французской иммиграционной моделью?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Это как раз и является доказательством того, что одного мультикультурализма недостаточно для объяснения таких беспорядков. Что особенного во Франции, так это то, что она была первопроходцем в области иммиграции: эта проблема существовала во Франции уже тогда, когда иммиграция только начиналась в таких странах, как Италия, Германия, Испания или Великобритания. Есть и тот факт, что иммиграция во Францию по-прежнему связана с памятью о колониальном периоде, породившем до сих пор не

ушедшие в прошлое обиды. Наконец, нельзя исключать, что некоторые полицейские приемы, доказавшие свою эффективность в других местах, не всегда используются французской полицией. Неумолимое отрицание проблем на протяжении десятилетий имело взрывоопасные последствия.

IL GIORNALE: Будут ли сегодняшние протесты также иметь политические последствия ввиду предстоящих в следующем году европейских выборов за счет усиления правых?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Да, это очевидно. Беспорядки, подобные тем, которые мы наблюдаем в данный момент, помогают нам открыть глаза. Национальное объединение уже стало ведущей партией во Франции, и опросы показывают, что оно победит на следующих европейских выборах. Французское общественное мнение подавлено; оно больше не может это терпеть.

Люди видят, что правительство совсем не справляется с происходящим. Большинство французов хотели бы, чтобы в пригороды ввели армию. Эммануэля Макрона критикуют за то, что он не ввел чрезвычайное положение, как это было сделано в 2005 году. Самым значимым символом является невероятный успех сбора средств, запущенного в социальных сетях в помощь семье полицейского, который произвел выстрелы, спровоцировавшие беспорядки: менее чем за четыре дня собрали более полутора миллиона евро (до окончания сбора денег)! Такого еще никогда не было.

IL GIORNALE: Франция потеряна навсегда или есть шанс положить конец этой ситуации?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Никогда не говори никогда! Старые страны Европы знали в прошлом гораздо более серьезные испытания и всегда оправлялись от них. Все, что происходит сейчас, усиливает потенциальную реакцию в противоположном направлении. История непредсказуема. Она по определению область непредвиденного.

IL GIORNALE: Как вы думаете, то, что происходит сегодня во Франции, может произойти и в Италии?

АЛЕН ДЕ БЕНУА: Возможно, если не вероятно. Весь вопрос в том, сможет ли итальянское правительство извлечь уроки из того, что происходит сегодня по ту сторону Альп.

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.